

pocket**book**

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

Ю. С. ...

Чарльз Буковски

Юг без признаков севера (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639355

*Юг без признаков севера: рассказы / Чарльз Буковски; [пер. с англ. В. Когана, К. Медведева, А. Гузмана].: Эксмо; Домино; СПб., Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48602-1*

Аннотация

Чарльз Буковски – один из крупнейших американских писателей XX века, автор более чем сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности.

«Юг без признаков севера» – последний прижизненный сборник малой прозы Буковски. В этих историях фигура рассказчика, алкаша и бабника, отчасти автобиографична и вызывает у российского читателя неизбежные ассоциации с другим необычайно популярным писателем – Сергеем Довлатовым.

Содержание

Одиночество	4
Трах-трах о занавес	8
Ты, твоё пиво и то, как ты велик	12
Путь в рай закрыт	16
Политика	19
Любовь за семнадцать пятьдесят	22
Два пропойцы	26
Маджа Туруп	30
Убийцы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Чарльз Буковски

Юг без признаков севера

Одиночество

Посвящается Энн

Автомобиль попался Эдне на глаза, когда она шла по улице с сумкой продуктов. В боковом окошке было объявление:

ТРЕБУЕТСЯ ЖЕНЩИНА.

Она остановилась. За стеклом, на куске картона, было наклеено объявление, большей частью отпечатанное на машинке. С того места тротуара, где она стояла, Эдна ничего не могла разобрать. Ей видны были только большие буквы:

ТРЕБУЕТСЯ ЖЕНЩИНА.

Машина была новая, дорогая. Чтобы прочесть напечатанный текст, Эдна шагнула на газон.

«Мужчина 49 лет. Разведен. Желает познакомиться с женщиной, чтобы вступить в брак. Возраст от 35 до 44 лет. Люблю кинематограф и телевидение. Вкусную пищу. Бухгалтер, надежно трудоустроен. Деньги в банке. Люблю женщин, склонных к полноте».

Эдне уже стукнуло тридцать семь, и она была склонна к полноте. Там имелся номер телефона. Были там и три фотографии господина, который ищет женщину. В костюме и галстуке он казался мужчиной степенным. И еще хмурым и немного жестоким. И деревянным, подумала Эдна, деревянным.

Эдна пошла дальше, слабо улыбаясь. К тому же она чувствовала некоторое отвращение. Добравшись до своей квартиры, о мужчине она уже позабыла. Лишь через несколько часов, сидя в ванне, она вновь вспомнила о нем и на сей раз подумала, что нужно быть по-настоящему одиноким, чтобы дать такое объявление:

ТРЕБУЕТСЯ ЖЕНЩИНА.

Она представила себе, как он приходит домой, обнаруживает в почтовом ящике счета за газ и телефон, как раздевается и принимает ванну, а телевизор уже включен. Потом утренняя газета. Потом – на кухню, готовить. Стоит там в трусах, уставившись на сковородку. Берет еду и идет к столу, ест. Пьет кофе. Потом опять телевизор. А перед сном, быть может, – навевающая одиночество банка пива. В Америке жили миллионы подобных мужчин.

Эдна вылезла из ванны, вытерлась, оделась и вышла на улицу. Машина стояла на прежнем месте. Эдна записала имя и фамилию мужчины, Джо Лайт-хилл, и номер телефона. Она вновь прочла текст, напечатанный на машинке. «Кинематограф». Что за странное слово. Нынче все говорят просто «кино». «Требуется женщина». Довольно наглое объявление. В этом он был оригинален.

Придя домой, Эдна, прежде чем набрать номер, выпила три чашки кофе. В трубке раздалась четыре гудка.

– Алло! – ответил он.

– Мистер Лайтхилл?

– Да.

– Я прочла ваше объявление. На машине.

– Ах да.

– Меня зовут Эдна.

- Как дела, Эдна?
- О, у меня все в порядке. Правда, жарко. Такая погода – уже чересчур.
- Да, переносить такую жару трудновато.
- Так вот, мистер Лайтхилл...
- Зовите меня просто Джо.
- Так вот, Джо, ха-ха-ха, я чувствую себя полной идиоткой. Знаете, зачем я звоню?
- Вы прочли мое объявление?
- Я хочу спросить, ха-ха-ха, что с вами случилось? Вы что, не можете найти себе женщину?
- Кажется, не могу, Эдна. Скажите, где они?
- Женщины?
- Да.
- Вы же сами знаете – всюду.
- Где? Скажите мне. Где?
- Ну, в церкви, допустим. В церкви есть женщины.
- Церковь я не люблю.
- А-а...
- Слушайте, Эдна, может, зайдете?
- К вам, что ли?
- Ну да. У меня уютная квартира. Выпьем чего-нибудь, поболтаем. Без всякого нажима.
- Уже поздно.
- Не так уж и поздно. Слушайте, вы же прочли мое объявление. Вам наверняка интересно.
- Ну...
- Вы боитесь, только и всего. Просто боитесь.
- Нет, не боюсь.
- Тогда приходите, Эдна.
- Ну...
- Я жду.
- Хорошо. Буду через пятнадцать минут.

Он жил на последнем этаже современного жилого комплекса. Квартира 17. В плавательном бассейне внизу отражались огни. Эдна постучала. Дверь открылась, и возник мистер Лайтхилл. Лысеющий со лба. Горбоносый, с торчащими из ноздрей волосами. В рубашке с расстегнутым воротом.

– Входите, Эдна...

Она вошла, и дверь за ней затворилась. На Эдне было синее вязаное платье. Она была без чулок, в сандалиях и курила сигарету.

– Садитесь. Сейчас принесу вам что-нибудь выпить.

Квартира была уютная. Все голубовато-серое и *очень* чистое. Она услышала, как мистер Лайтхилл, смешивая напитки, что-то мурлычет: хммммм, хммммм, хммммм... Кажется, он чувствует себя непринужденно, и это ее приободрило.

Мистер Лайтхилл – Джо – появился с выпивкой. Он протянул Эдне стакан, а потом уселся в кресло у противоположной стены.

– Да, – сказал он, – жарко, чертовски жарко. Правда, у меня кондиционер.

– Я заметила. Это славно.

– Пейте.

– Ах да.

Эдна выпила глоток. Напиток был хороший – крепковатый, но приятный на вкус. Она смотрела, как Джо, выпивая, запрокидывает голову. На шее у него оказались глубокие морщины. А брюки сидели слишком свободно. Они казались на несколько размеров больше, чем нужно. От этого его ноги имели забавный вид.

– Какое элегантное платье, Эдна.

– Вам нравится?

– Конечно. Да и вы такая пухленькая. Оно вам идет, очень идет.

Эдна промолчала. Помолчал и Джо. Они просто сидели, смотрели друг на друга и потягивали свою выпивку.

Почему он ничего не говорит? – подумала Эдна. Ведь говорить должен он. В нем и вправду есть что-то деревянное. Она допила свой стакан.

– Я принесу вам еще, – сказал Джо.

– Нет, мне правда уже пора.

– Ну подождите, – сказал он, – я принесу еще выпить. Это развяжет нам языки.

– Хорошо, но потом я уйду.

Джо взял стаканы и удалился на кухню. Больше он ничего не мурлыкал. Потом он вошел, протянул Эдне ее стакан и вновь уселся в свое кресло у противоположной стены. На сей раз напиток был крепче.

– А знаете, – сказал он, – у меня хорошие результаты тестов по сексу.

Эдна пригубила свою выпивку и ничего не ответила.

– А у вас как с сексуальными тестами? – спросил Джо.

– Я ими ни разу не пользовалась.

– А знаете, зря, ведь так можно выяснить, кто вы и что вы.

– Вы думаете, подобные вещи надежны? Я видела их в газете. Не пользовалась ими, но видела, – сказала Эдна.

– Конечно надежны.

– Возможно, я в сексе не разбираюсь, – сказала Эдна, – возможно, поэтому я и одна.

Она отпила большой глоток.

– В конце концов, мы все одиноки, – сказал Джо.

– В каком смысле?

– В том, что, как бы ни хороша была сексуальная или любовная жизнь, да и обе вместе, настает день, когда всему приходит конец.

– Это грустно, – сказала Эдна.

– Конечно. Так вот, настает день, когда всему приходит конец. Либо происходит разрыв, либо все разрешается мирно: двое живут вместе и ничего друг к другу не чувствуют. По-моему, лучше уж быть одному.

– Вы развелись с женой, Джо?

– Нет, она развелась со мной.

– Из-за чего?

– Из-за сексуальных оргий.

– Сексуальных оргий?

– Знаете, тоскливей сексуальных оргий нет ничего на свете, эти оргии... меня просто отчаяние охватывало... все эти скользкие туда и обратно члены... простите...

– Ничего.

– Все эти скользкие туда и обратно члены, сплетенные ноги, работающие пальцы, рты, все тискают друг друга, потеют и полны решимости добиться своего – так или иначе.

– Я почти ничего не знаю о подобных вещах, Джо, – сказала Эдна.

– По-моему, секс без любви – ничто. Все имеет смысл, только если между участниками возникает какое-то чувство.

– То есть люди должны друг другу нравиться?

– Это помогает.

– А если они друг другу уже надоели? Если они просто вынуждены вместе жить? Экономические причины? Дети? Все такое?

– Оргиями тут не поможешь.

– А чем?

– Даже не знаю. Может, обмен...

– Обмен?

– Ну знаете, когда две пары *очень* близко знакомы и меняются партнерами. Появляется, по крайней мере, возможность для чувств. Допустим, к примеру, мне давно нравится жена Майка. Уже много месяцев. Я все время наблюдаю, как она ходит по комнате. Мне нравится ее манера держаться. Ее манера держаться вызывает у меня любопытство. Мне интересно, знаете ли, с чем эта манера связана. Я видел ее сердитой, видел пьяной и трезвой. А потом – обмен. Ты с ней в спальне, ты наконец-то ее познаешь. Возникает возможность чего-то настоящего. Конечно, в другую комнату Майк уводит твою жену. Удачи тебе, Майк, думаешь ты, надеюсь, ты не хуже меня как любовник.

– И это действительно действует?

– Ну, я не знаю... Обмен может привести к конфликтам... впоследствии. Все это необходимо обсудить... как следует обсудить, заранее. И потом, люди могут попросту мало знать, сколько бы они все это ни обсуждали...

– А вы достаточно знаете, Джо?

– Ну, эти обмены... Думаю, некоторым они подходят... может быть, многим. А мне, похоже, они не годятся. Я чересчур строгих правил.

Джо допил свой стакан. Эдна поставила свой, не допив, и встала:

– Слушайте, Джо, мне надо идти.

Джо направился к ней через комнату. В этих брюках он был похож на слона. Она увидела его большие уши. Потом он схватил ее и принялся целовать. Сквозь все выпитое пробивался скверный запах у него изо рта. Запах был просто отвратный. Часть его рта оставалась свободной. Он был силен, но сила его не была безупречной, она умоляла. Эдна отвернулась, но он все равно ее обнимал.

ТРЕБУЕТСЯ ЖЕНЩИНА.

– Отпусти меня, Джо! Ты слишком *спешишь*! Отпусти!

– Зачем же ты, сука, пришла?

Он вновь попытался ее поцеловать, и ему это удалось. Это было ужасно. Эдна резко подняла колено. Удар пришелся в цель. Он схватился за промежность и рухнул на ковер.

– Боже, боже... зачем ты это сделала? Ты хотела меня убить...

Он принялся кататься по полу. Ну и задница, подумала она, у него *мерзкая* задница.

Она оставила его кататься по ковру и бегом спустилась по лестнице. Воздух на улице был свежий. Она услышала, как разговаривают люди, услышала их телевизоры. Идти до ее квартиры было недалеко. Она почувствовала, что нужно еще раз принять ванну, выбралась из своего синего вязаного платья и долго терла себя мочалкой. Потом вылезла из ванны, насухо вытерлась и накрутила волосы на розовые бигуди. Она решила с ним больше не видеться.

Трах-трах о занавес

Мы болтали о женщинах, разглядывали их ножки, когда они вылезали из машины, а по ночам мы заглядывали в окна, надеясь увидеть, как кто-то ебется, но ни разу никого не увидели. Как-то раз мы все-таки узрели одну парочку в кровати, парень терзал свою бабенку, и мы решили было, что сейчас все увидим, но она сказала: «Нет, сегодня мне что-то не хочется!» Потом она повернулась к нему спиной. Он закурил, а мы отправились искать очередное окно.

– Вот сукин сын, уж от меня-то ни одна баба не отвернется!

– И от меня. Что же он тогда за мужик? Нас было трое – я, Лысый и Джимми. Днем великих свершений у нас было воскресенье. В воскресенье мы собирались у Лысого и ехали на трамвае до Мейн-стрит. Проезд в трамвае стоил семь центов.

В те времена было два кафешантана – «Фоллиз» и «Бёрбанк». Мы были влюблены в стриптизерок из «Бёрбанка», да и шуточки там были получше, поэтому мы ходили в «Бёрбанк». Пробовали мы ходить и в грязную киношку, но фильмы были вовсе не грязные, а сюжеты походили один на другой. Двое парней напаивали допьяна юную невинную девушку, и не успевала она совладать с похмельем, как обнаруживала, что попала в публичный дом, а в дверь ее комнаты ломится целая очередь матросов и горбунов. К тому же в этих кинотеатрах дневали и ночевали бродяги – ссали на пол, пили вино и грабили друг друга. Смешанное зловоние мочи, вина и убийства было невыносимо. Мы ходили в «Бёрбанк».

– Ну что, мальчики, идете сегодня в бурлеск? – спрашивал дедуля Лысого.

– Ни черта, сэр, у нас есть дела поважнее.

Мы уходили. Мы ходили туда каждое воскресенье. Выходили из дома рано утром, задолго до начала представления, и прогуливались по Мейн-стрит, заглядывая в пустые бары, где, задрав юбки, сидели в дверях продажные девицы и покачивали ногами на солнышке, которое ухитрилось проникать в темный бар. Девицы смотрелись неплохо. Но мы-то знали. Мы слышали. Зайдет туда какой-нибудь малый опрокинуть стаканчик, и его обдирают как липку – и за его выпивку, и за выпивку девицы. Но выпивка девицы разбавлялась водой. Пошупаешь девицу пару раз, и дело с концом. А если покажешь деньги, хозяин их увидит, и тогда в выпивку подмешивается наркотик, после чего ты отключаешься прямо за стойкой, а денежки – тютю. Мы-то знали.

После прогулки по Мейн-стрит мы заходили в сосисочную и брали булку с горячей сосиской за восемь центов и большую кружку шипучки за пятак. Мы поднимали тяжести, мышцы у нас так и выпирали, мы высоко закатывали рукава и носили по пачке сигарет в нагрудном кармане. Мы даже пробовали курс некоего Чарльза Атласа, «динамическое напряжение», но поднятие тяжестей казалось грубей и понятней.

Поедая булку с сосиской и выпивая гигантскую кружку шипучки, мы играли на бильярде-автомате, по центу за партию. Этот бильярд-автомат мы изучили досконально. Тот, кто набирал максимум очков, получал право на бесплатную партию. Мы обязаны были набирать максимум – больших денег у нас не водилось.

У власти был Фрэнки Рузвельт, дела шли на лад, но депрессия еще не кончилась, и ни один из наших отцов не работал. Где мы ухитрились раздобыть мелочь на карманные расходы, это было покрыто мраком тайны, разве что мы смотрели в оба, хватая все, что в землю не зацементировано. Мы не воровали, мы распределяли. И еще мы выдумывали. Почти или вовсе не имея денег, мы, дабы убить время, выдумывали всякие игры – одна из них заключалась в том, чтобы дойти пешком до пляжа и обратно.

Обычно это делалось в летний день, и наши родители никогда не выражали недовольства, если мы опаздывали домой к обеду. Не волновали их и огромные блестящие волдыри

на наших ступнях. Но стоило им увидеть, что мы снашиваем каблуки и подметки своих башмаков, как нам приходилось выслушивать все. Нас посылали в дешевую лавчонку, где по сходной цене продавались и готовые подметки с каблуками, и клей.

Та же ситуация возникала, когда мы играли на улице в силовой футбол. На строительство спортплощадок государство средств не выделяло. В силовой футбол мы играли на улице весь футбольный сезон, весь баскетбольный сезон, весь бейсбольный и весь следующий футбольный. Когда тебя роняют на асфальт, кое-что происходит. Сдирается кожа, трещат кости, льется кровь, но ты встаешь как ни в чем не бывало.

Наших родителей не волновали ни синяки, ни болячки, ни кровь; самым страшным, непростительным грехом была дыра на коленке штанов. Ведь каждому мальчишке полагалось лишь две пары штанов: повседневные штаны и воскресные, и разорвать коленку на одной из двух пар было никак нельзя, поскольку дыра означала, что ты бедняк и засранец и что твои родители – тоже бедняки и засранцы. Вот мы и учились применять силовые приемы, не падая даже на одно колено. А тот, против кого применялись силовые приемы, учился попадать под силовые приемы, не падая даже на одно колено.

Когда затевались драки, мы дрались часами, и наши родители не приходили на выручку. Сдается мне, причина была в том, что мы притворялись очень крутыми и никогда не просили пощады – а они ждали, когда мы запросим пощады. Но мы ненавидели наших родителей и пощады просить не могли, а поскольку мы их ненавидели, они ненавидели нас и, выходя на свои веранды, равнодушно поглядывали на нас в разгар жуткой нескончаемой схватки. Они попросту позевывали, вынимали из ящика никчемный рекламный листок и вновь уходили в дом.

Я дрался с парнем, который впоследствии занял весьма высокий пост в Военно-морском ведомстве Соединенных Штатов. Однажды я дрался с ним с восьми тридцати утра до захода солнца. Никто не остановил нас, хотя драку было прекрасно видно с лужайки перед его домом под двумя громадными сумаховыми деревьями с воробьями, целый день сражались на нас.

Это была беспощадная драка, до победного конца. Он был выше, немного постарше и потяжелее, зато я был безумнее. Закончили мы с обоюдного согласия – не знаю, как это происходит, чтобы понять, надо испытать это самому, но после того, как два человека восемь или девять часов кряду мутузят друг друга, между ними возникают некие странные братские отношения.

На другой день все тело у меня было в синяках. Я не мог ни внятно говорить, ни болезненно пошевелить какой-либо частью тела. Я лежал на кровати, готовясь к смерти, а мать вошла ко мне с рубашкой, в которой я был во время драки. Сунув ее мне под нос, мать сказала:

- Смотри, ты забрызгал рубашку кровью! Кровью!
- Прости!
- Мне ее никогда не отстирать! НИКОГДА!
- Это *его* кровь.
- Какая разница! Это же кровь! Она не отстирывается!

В воскресенье наступал наш день, наш мирный, спокойный день. Мы шли в «Бёрбанк». Сначала всегда показывали скверный фильм. Очень старый фильм, все смотрели и ждали. Все думали о девчонках. Трое или четверо парней в оркестровой яме принимались громко играть, возможно, они играли не очень хорошо, зато они играли громко, потом выходили наконец стриптизерки и хватались за занавес, за край занавеса, они хватались за занавес, точно это был мужчина, их тела сотрясались и делали трах-трах-трах о занавес. Потом они

бросали занавес и начинали раздеваться. Если у вас хватало денег, появлялся даже пакетик воздушной кукурузы; если нет – ну и черт с ним.

Перед следующим номером устраивали антракт. Поднимался маленький человечек и говорил:

– Дамы и господа, будьте любезны обратить внимание...

Он продавал колечки-подглядки. В стеклышке каждого колечка, если поднести его к свету, появлялась замечательная картинка. Без обмана! Каждое колечко стоило всего-навсего пятьдесят центов, всего за пятьдесят центов – собственность на всю жизнь, доступная лишь посетителям «Бёрбанка», нигде больше такое не продавалось.

– Только поднесите его к свету, и вы увидите! Благодарю за внимание, любезные дамы и господа. Сейчас капельдинеры пройдут к вам по рядам.

В проходах между рядами принимались расхаживать два попахивающих мускатом оборванца, каждый – с мешочком колечек-подглядок. Я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь купил хоть одно колечко. И все-таки думаю, что, если поднести такое колечко к свету, на картинке в стеклышке оказалась бы голая женщина.

Снова вступал оркестр, занавес открывался, и появлялся кордебалет, большей частью из состарившихся стриптизерок, обильно намазанных тушью, румянами и помадой, с накладными ресницами.

Они что было сил пытались угнаться за музыкой, но всегда немного запаздывали. Правда, они не унывали и продолжали; я считал их очень храбрыми.

Потом появлялся певец. Проникнуться симпатией к певцу было очень трудно. Он слишком громко пел о несчастной любви. Петь он не умел, а когда заканчивал, раскланивался с распростертыми руками под жидкие нестройные аплодисменты.

Потом появлялся комик. Вот он был хорош! Он выходил в старом коричневом пальто, в шляпе, надвинутой на глаза, сутулясь, как бродяга – бродяга, которому нечего делать и некуда идти. По сцене шла девушка, и он провожал ее взглядом. Потом поворачивался к публике и, шамкая беззубым ртом, говорил:

– Эх, будь я проклят!

На сцену выходила другая девушка, он подходил к ней, смотрел ей прямо в глаза и говорил:

– Я дряхлый старик, мне уже сорок пять, но я кончаю на полу, когда ломается кровать.

Это было последней каплей. Как мы смеялись! Молодые и старые – как мы смеялись! А еще был номер с чемоданом. Он пытался помочь какой-то девице уложить чемодан. Вещи то и дело выскакивали наружу.

– Никак не могу запихнуть!

– Давайте я помогу!

– Опять это выскочило!

– Подождите! Я на него встану!

– Что? Ах *нет*, не надо на него *вставать*!

Этот номер с чемоданом они продолжали бесконечно. Да, умел он смешить!

Наконец выходили трое или четверо первых стриптизерок. У каждого из нас была любимая стриптизерка, каждый из нас был влюблен. Лысый выбрал себе худую французку с астмой и темными мешками под глазами. Джимми нравилась Женщина-Тигр (точнее, Тигрица). Я указывал Джимми на то, что одна грудь у Женщины-Тигра явно больше другой. Моей была Розали.

У Розали была большая жопа, она трясла и трясла ею и распевала веселые песенки, а когда, раздеваясь, ходила по сцене, то разговаривала сама с собой и хихикала. Она была единственной, кто действительно получал удовольствие от своей работы. Я был влюблен в Розали. Я часто подумывал написать ей о том, как она бесподобна, но так и не собрался.

Как-то раз после представления мы ждали трамвая, и вместе с нами ждала трамвая Женщина-Тигр. На ней было облегающее зеленое платье, а мы стояли и смотрели на нее.

– Это твоя девушка, Джимми, это Женщина-Тигр.

– Вот это да! Какова! Только посмотрите на нее!

– Сейчас я с ней поговорю, – сказал Лысый.

– Это девушка Джимми.

– Я с ней говорить не хочу, – заявил Джимми. – Я с ней поговорю, – сказал Лысый. Он сунул в рот сигарету, закурил и подошел к ней.

– Приветик, крошка! – осклабился он. Женщина-Тигр не ответила. Она попросту смотрела прямо перед собой и ждала трамвая.

– Я знаю, кто ты. Я видел, как ты сегодня исполняла стриптиз. Ты бесподобна, крошка, правда бесподобна!

Женщина-Тигр не ответила.

– А как ты трясешься, господи, как ты трясешься!

Женщина-Тигр смотрела прямо перед собой. Лысый стоял и скалился, как идиот.

– Я хочу тебе засадить. Хочу тебя выебать, крошка!

Мы подошли и оттащили Лысого. Мы повели его по улице.

– Засранец, ты не имел права с ней так разговаривать!

– Но она же выходит и трясется, выходит и трясется на глазах у мужчин!

– Она просто пытается заработать на жизнь.

– Она вся горячая, прямо раскаленная, ей самой этого хочется!

– Ты спятил.

Мы повели его по улице.

Вскоре после этого я начал терять интерес к воскресным дням на Мейн-стрит. Думаю, и «Фоллиз», и «Бёрбанк» все еще на месте. Конечно, Женщина-Тигр, стриптизерка с астмой, и Розали, моя Розали, давным-давно исчезли. Вероятно, умерли. Большая трясущая жопа Розали, вероятно, мертва. И когда я бываю в своем районе, я прохожу мимо дома, в котором некогда жил, а там живут незнакомые люди. И все-таки те воскресные дни были хороши, большей частью те воскресные дни были хороши, крошечные просветы в мрачные дни депрессии, когда наши отцы расхаживали по веранде, безработные и беспомощные, и искоса смотрели, как мы мутузим друг друга до полусмерти, а потом заходили в дом и пилились в стены, боясь слушать радио из-за счета за электричество.

Ты, твое пиво и то, как ты велик

Джек вошел и обнаружил пачку сигарет на камине. Энн лежала на кушетке и читала «Космополитен». Джек закурил, уселся в кресло. До полуночи оставалось десять минут.

– Чарли не велел тебе курить, – сказала Энн, оторвавшись от журнала.

– Я заслужил сигаретку. Сегодня был трудный бой.

– Ты выиграл?

– Мнения разделились, но в мою пользу. Бенсон – малый крутой, с сильной волей. Чарли говорит, что следующий – Парвинелли. Одолеем Парвинелли, и тогда – бой с чемпионом.

Джек встал, вышел на кухню, вернулся с бутылкой пива.

Чарли не велел мне давать тебе пива. – Энн отложила журнал.

– «Чарли не велел, Чарли не велел...» Мне это надоело. Я выиграл бой. Шестнадцатая победа подряд, я имею право на пиво и сигарету.

– Ты должен поддерживать форму.

– Пустяки. Я любого побью.

– Ты такой великий, когда напьешься, я только и слышу, как ты велик. Меня от этого уже тошнит.

– Я велик. Шестнадцать подряд, пятнадцать нокаутом. Кто лучше?

Энн не ответила. Джек унес бутылку пива и сигареты в ванную.

– Ты даже не поцеловал меня, когда пришел. Первое, что ты сделал, – это ринулся к своей бутылке пива. Да, ты велик, не спорю. Великий любитель пива.

Джек не ответил. Пять минут спустя он встал в двери ванной, брюки и трусы спущены к башмакам.

– Господи боже мой, Энн, ты что, не можешь даже проследить, чтобы здесь всегда туалетная бумага была?

– Прости.

Она взяла в стенном шкафу рулон и отдала ему. Джек покончил со своим делом и вышел. Потом он покончил со своим пивом и взял еще бутылку.

– Вот ты живешь с лучшим полутяжем в мире и только и знаешь, что причитать. Есть множество девушек, которые почли бы за счастье меня заполнить, а тебе бы только сидеть да скулить.

– Я знаю, что ты хороший, Джек, может быть самый лучший, но ты не знаешь, как *надо* сидеть и постоянно выслушивать твои речи о собственном величии.

– Ах, тебе все это надоело?

– Да, черт возьми, ты, твое пиво и то, как ты велик.

– Назови полутяжа получше. Ты даже не ходишь на мои бои.

– Помимо бокса есть и еще кое-что, Джек.

– Что? Валяться, к примеру, на заднице и читать «Космополитен»?

– Мне нравится развивать свой интеллект.

– Это тебе не помешает. Тут есть над чем поработать.

Я и говорю, помимо бокса есть еще кое-что.

– Что? Назови.

– Искусство, допустим, музыка, живопись и тому подобные вещи.

– А сама ты что-нибудь умеешь?

– Нет, но я в этих вещах разбираюсь.

– Черт подери, по мне, так надо быть самым лучшим в *своем* деле.

– Хороший, лучше всех, самый лучший... Господи, неужели нельзя ценить людей такими, какие они есть?

– Какие они *есть*? Да кто они такие, по большей части? Увальни, кровопийцы, щеголи, стукачи, сутенеры, прислуга...

– Ты всегда смотришь на всех свысока. Ни один твой друг тебя не достоин. Ты чертовски велик!

– Вот именно, детка.

Джек вышел на кухню и вернулся с очередной бутылкой пива.

– Ты и твое треклятое пиво!

– Имею право. Оно продается. Я покупаю.

– Чарли сказал...

– Ебал я Чарли!

– Ты чертовски велик!

– Вот именно. По крайней мере, Патти это знала. Она признавала это. Она этим гордилась. Знала, что это нелегко. А ты только и делаешь, что скулишь.

– Так почему бы тебе не вернуться к Патти? Зачем ты живешь со мной?

– Именно об этом я сейчас и думаю.

– Мы ведь не женаты. Я могу в любое время уйти.

– Только это и утешает. Черт подери, я прихожу смертельно усталый после десяти жестоких раундов, а ты даже не радуешься моей победе. Только и знаешь, что причитать.

– Слушай, Джек, помимо бокса есть еще кое-что. Когда я с тобой познакомилась, ты восхищал меня такой, какой есть.

– Я и тогда был боксером. Нет *ничего*, кроме бокса. А я – боксер. Это моя жизнь, и я хорошо умею это делать. Лучше всех. Я заметил, что ты равнодушна к посредственностям... вроде Тоби Йоргенсона.

– Тоби очень забавный. У него есть чувство юмора, настоящее чувство юмора. Тоби мне нравится.

– Его личный рекорд девять, пять и один. Я побью его, даже если буду мертвецки пьян.

– И Бог свидетель, ты мертвецки пьян довольно часто. Каково мне, по-твоему, на вечеринках, когда ты без чувств валяешься на полу или шатаешься по комнате и каждому твердишь: «Я ВЕЛИК! Я ВЕЛИК! Я ВЕЛИК!» Тебе не кажется, что при этом я чувствую себя последней идиоткой?

– Может, ты и есть идиотка. Раз тебе так нравится Тоби, почему ты к нему не уходишь?

– Ах, я просто сказала, что он мне нравится, я считаю его *забавным*, но это не значит, что я хочу лечь с ним в постель.

– Конечно, в постель ты ложишься со мной и при этом говоришь, что я надоедлив. Не понимаю, какого черта тебе нужно.

Энн не ответила. Джек встал, подошел к кушетке, приподнял голову Энн, поцеловал ее, вернулся на место и снова сел.

– Слушай, давай я расскажу тебе о сегодняшнем бое с Бенсоном. Даже ты бы мною гордилась. В первом раунде он сбивает меня с ног, резкий правой. Я поднимаюсь и остаток раунда держу его на дистанции. Во втором он опять меня достает. Я едва встаю на счет восемь. Снова держу его на дистанции. Следующие несколько раундов я восстанавливаю подвижность. Выигрываю шестой, седьмой, восьмой, один раз сбиваю его с ног в девятом и два раза в десятом. Не знаю, почему разделились мнения судей. Но они разделились. Короче, это сорок пять кусков, понятно, малышка? Сорок пять тысяч. Я велик, ты же не станешь отрицать, что я велик, верно?

Энн не ответила. – Ну же, скажи мне, что я велик.

– Хорошо, ты велик.

– Вот это уже похоже на дело. – Джек подошел и еще раз поцеловал ее. – Мне так хорошо! Бокс – это настоящее искусство, нет, правда! Нужна сильная воля, чтобы быть великим художником, нужна сильная воля, чтобы быть великим боксером.

– Ладно, Джек.

– «Ладно, Джек» – это все, что ты можешь сказать? Патти бывала счастлива, когда я выигрывал. Мы оба бывали счастливы целую ночь. Неужели нельзя разделить со мной радость, если я что-то делаю хорошо? Черт, ты влюблена в меня или в этих неудачников, полудурков? По-моему, ты бы куда больше обрадовалась, приди я домой неудачником.

– Я хочу, чтобы ты выигрывал, Джек, просто ты придаешь слишком большое значение тому, что ты делаешь.

– Черт возьми, это моя работа, моя жизнь. Я горжусь тем, что я самый лучший. Это как полет, как полет в небесах и победа над солнцем.

– Что ты будешь делать, когда больше не сможешь драться?

– Черт возьми, у нас будет достаточно денег, чтобы делать все, что вздумается.

– Кроме того, быть может, чтобы ладить друг с другом.

– Может быть, я научусь читать «Космополитен», развивать интеллект.

– Да, кое-что развить не мешает.

– Ебал я тебя!

– Что?

– Ебал я тебя!

– Как раз этого ты давненько не делал.

– Может, кому-то и нравится ебать скулежных баб, а мне – нет.

– Надеюсь, Патти не скулила?

– Все бабы скулят, но ты – чемпионка.

– Тогда почему бы тебе не вернуться к Патти?

– Сейчас здесь ты. У меня хватает места только для одной шлюхи.

– Шлюхи?

– Шлюхи.

Энн встала, подошла к стенному шкафу, взяла свой чемодан и принялась укладывать вещи. Джек вышел на кухню и достал еще одну бутылку пива. Энн злилась и плакала. Джек сел со своим пивом и отпил добрый глоток. Ему было нужно виски, ему нужна была бутылка виски. И хорошая сигара.

– Остальное я могу забрать, когда тебя не будет дома.

– Не беспокойся. Я тебе все пришлю. Она остановилась в дверях.

– Ну что ж, кажется, все, – сказала она.

– Думаю, да, – ответил Джек.

Она закрыла дверь и ушла. Классическая процедура. Джек допил пиво и подошел к телефону. Набрал номер Патти. Она ответила.

– Патти?

– А, Джек, как дела?

– Сегодня я выиграл трудный бой – мнения разделились. Осталось только одолеть Парвинелли, а потом чемпиона.

– Ты побьешь их обоих, Джек. Я знаю, ты сможешь.

– Что ты сегодня делаешь, Патти?

– Уже час ночи, Джек. Ты что, выпил?

– Немного. Я праздную.

– А где Энн?

– Мы расстались. У меня может быть только одна женщина, Патти, ты это знаешь.

– Джек...

- Что?
- Я не одна.
- Не одна?
- С Тоби Йоргенсоном. Он в спальне...
- Очень жаль.
- Мне тоже, Джек, я любила тебя... может, и до сих пор люблю.
- Ах, черт, вы, женщины, так бросаетесь этим словом...
- Мне жаль, Джек.
- Все нормально.

Он повесил трубку. Потом подошел к стенному шкафу и взял пальто. Надел его, допил пиво, спустился на лифте к машине. Поехал прямо по Норманди со скоростью шестьдесят пять миль в час, остановился у винного магазина на Голливудском бульваре. Вылез из машины и вошел в магазин. Там он взял шестерку «Майклоба», пачку алказельцера. Потом, у прилавка, он попросил у продавца бутылку «Джека Дэниелса». Пока продавец считал деньги, подошел пьянчуга с двумя шестерными упаковками «Кура».

- Эй, старина, – сказал он Джеку, – ты, случаем, не боксер, не Джек Бакенвелд?
- Он самый, – ответил Джек.
- Старина, я видел сегодняшний бой. У тебя железная воля, Джек. Ты и вправду велик!
- Спасибо, старина, – сказал он пьянчуге, а потом взял свой кулек с покупками и пошел к машине.

Там он сел, свинтил с «Дэниелса» крышечку и сделал добрый глоток. Потом задним ходом выехал со стоянки, покатыл по Голливудскому на запад, повернул налево на Норманди и тут заприметил нетвердо бредущую по улице хорошо сложенную девчонку. Он остановил машину, достал из пакета бутылку и показал ей.

- Хочешь покататься?
- Джек удивился, когда она села в машину.
- Я помогу вам допить, мистер, но никаких дополнительных льгот.
- Конечно, черт подери, – сказал Джек.

Он поехал по Норманди со скоростью тридцать пять миль в час, уважающий себя гражданин и третий полутяж в мире. В какую-то минуту ему захотелось поведать ей о том, с кем она едет в машине, но он передумал, протянул руку и сжал ей коленку.

- Сигареты не найдется, мистер? – спросила она.

Он щелчком выбил сигарету из пачки, вдавил в щиток зажигалку. Зажигалка выскочила, и он дал ей прикурить.

Путь в рай закрыт

Я сидел в баре на Вестерн-авеню. Было около полуночи, и я, как обычно, пребывал в растерянности. Знаете, все не слава богу: женщины, работа, отсутствие работы, погода, псы. В результате сидишь как пришибленный и ждешь – будто ожидаешь смерть на автобусной остановке.

Ну вот, сидел я так, и вошла она – длинные темные волосы, хорошая фигура, печальные карие глаза. Я не запал на нее. Я даже не придавал значения тому, что она села на стул рядом со мной, хотя вокруг было полно свободных стульев. Собственно, кроме нас и бармена, в баре никого не было. Она заказала сухого вина. Потом спросила, что я пью.

– Виски с водой. – Принесите ему виски с водой, – сказала она хозяину.

Вот это было неожиданно.

Она открыла сумочку, достала маленькую проволочную клетку, вытащила из нее нескольких лилипутов и посадила на стойку. Все они были по три дюйма ростом, живенькие и прилично одетые. Их было четверо – двое мужчин и две женщины.

– Теперь таких делают, – сказала она. – Они очень дорогие. Я покупала их по две тысячи штука. Теперь за них берут две четвереста. Я не знаю, как их изготавливают, но, мне кажется, это противозаконно.

Лилипуты расхаживали по стойке бара. Вдруг один парнишка отвесил женщине оплеуху.

– Ты, сучка, – сказал он. – Достала ты меня!

– Нет, Джордж! – закричала она. – Я люблю тебя! Я руки на себя наложу! Ты должен быть моим!

– Мне плевать, – сказал лилипут, достал крохотную сигаретку и закурил. – Как хочу, так и живу.

– Если ты ее не хочешь, – сказал другой лилипут, – я возьму ее. Я ее люблю.

– Но я не хочу тебя, Марти. Я Джорджа люблю.

– Но он подонок, Анна, он просто подонок!

– Я знаю, но все равно люблю его. Маленький подонок подошел тем временем к другой лилипутихе и поцеловал ее.

– Тут треугольник получился, – сказала дама, купившая мне виски. – Марти, Джордж, Анна и Рути. Джордж распустился, распустился донельзя. А Марти – тот вроде бы порядочный.

– А не печально ли смотреть на все это? А, как вас там?

– Заря. Ужасное имя. Вот как мамы с детками иногда поступают.

– А я Хэнк. Но не печально ли...

– Нет, смотреть на них не печально. Мне самой не очень везло в любви, просто страшно не везло...

– Нам всем страшно не везет.

– Наверно. В общем, я купила лилипутов и теперь наблюдаю за ними, получаю все, что нужно, и без всяких проблем. Я ведь страшно возбуждаюсь, глядя, как они занимаются любовью. Вот тогда и впрямь тяжело становится.

– И как они, сексуальны?

– О, еще как. Очень! Господи, как же я возбуждаюсь!

– Может, вы заставите их заняться этим? Ну, прямо сейчас? А мы с вами поглядим.

– Нет, их не заставишь. Они этим только по желанию занимаются.

– И как часто?

– О, они это дело любят. Четыре-пять раз в неделю.

Лилипуты расхаживали по стойке.

– Послушай меня, – сказал Марти. – Дай мне шанс. Только дай мне шанс, Анна.

– Нет, – сказала Анна. – Моя любовь принадлежит Джорджу. Иначе и не может быть. Джордж целовал Рути, мял ее груди. Рути возбудилась.

– Рути возбудилась, – сказал я Зарю.

– Да, правда. Еще как.

Я тоже возбудился. Я схватил Зарю и поцеловал ее.

– Слушайте, – сказала она. – Мне не нравится, когда они занимаются любовью на публике. Я отвезу их домой, вот там пожалуйста.

– Но тогда я не смогу посмотреть.

– Придется вам поехать со мной.

– Ладно, – сказал я. – Поехали.

Я допил, и мы вышли. Она несла лилипутов в небольшой проволочной клетке. Мы сели в ее машину и положили лилипутов между нами, на переднее сиденье. Я посмотрел на Зарю. Она была молодая и красивая. Да и душевная вроде бы. Как это у нее могло с мужчинами не получаться? Ну мало ли по каким причинам эти дела не клеятся... Четырех лилипутов она купила за восемь тысяч. Вот сколько нужно, чтобы не иметь отношений и иметь все, что нужно.

Она жила в доме неподалеку от холмов, приятное место. Мы вышли и направились к двери. Пока Заря отпирала дверь, я держал в руках клетку с малютками.

– На той неделе я слышала Рэнди Ньюмена в «Трубадуре». Он великолепен, правда?

– Да, великолепен.

Мы прошли в переднюю, Заря вытащила лилипутов и положила на столик. Потом прошла в кухню, открыла холодильник и достала бутылку вина. Принесла два стакана.

– Простите, – сказала она, – но вы, кажется, слегка не в себе. Чем вы занимаетесь?

– Я писатель.

– Вы и про это напишете?

– Никто не поверит, но я напишу.

– Посмотрите, – сказала Заря. – Джордж стащил с Рути трусы. Он запустил в нее пальчик. Лед положить?

– Да, действительно. Нет, льда не нужно. Предпочитаю неразбавленное.

– Не знаю, – сказала Заря. – Я на них очень сильно завожусь. Может быть, потому, что они такие маленькие? Возбуждают страшно.

– Я понимаю вас.

– Смотрите, Джордж залезает на нее.

– Да, и правда.

– Смотрите, смотрите!

– О боже!

Я обнял Зарю. Мы стояли и целовались. Все это время она поглядывала то на меня, то на них, то снова на меня.

Малютки Марти и Анна тоже смотрели.

– Смотри, – сказал Марти, – чем они занимаются. Мы бы тоже так могли. Даже великаны собираются этим заняться. Посмотри на них!

– Вы слышали? – спросил я Зарю. – Они говорят, что мы тоже хотим этим заняться. Это правда?

– Надеюсь, да.

Я повалил Зарю на диван, задрал платье до бедер и поцеловал ее в шею.

– Я люблю тебя, – сказал я.

– Правда любишь? Правда?

– Ну, в общем... да...

– Ладно, – сказала малютка Анна малютке Марти. – Мы тоже можем этим заняться, хоть я и не люблю тебя.

Они сцепились прямо на кофейном столике. Я стянул с Зари трусы. Заря застонала. Малютка Рути тоже. Марти подступил к Анне. Это творилось повсюду. Я понял вдруг, что весь мир так и делает. Потом я забыл про весь мир. Мы кое-как добрались до спальни. Потом я медленно вошел в Зарю и долго-долго не выходил из нее...

Когда она вышла из ванной, я читал прескучный рассказ в «Плейбое».

– Так хорошо было, – сказала она.

– Я рад, – ответил я.

Она снова легла ко мне в постель. Я отложил журнал.

– Ты думаешь, мы могли бы с тобой сойтись?

– Ты о чем?

– Я вот о чем: как ты думаешь, мы могли бы сойтись надолго?

– Не знаю. Все может быть. Начинать всегда легко.

Вдруг послышался вопль из гостиной.

– Ой-ой-ой, – вскрикнула Заря, вскочила и выбежала из комнаты.

Я – за ней. Вбежав в гостиную, я увидел Зарю с Джорджем в руках.

– О господи!

– Что случилось?

– Смотри, что Анна сделала с Джорджем!

– Что сделала?

– Она отрезала ему яйца! Джордж кастрат!

– Ух ты!

– Дай туалетной бумаги, быстро! Он умрет от потери крови!

– Сукин сын, – донесся с кофейного столика голос Анны. – Если Джордж не достался мне, тогда пусть вообще никому не достается!

– Теперь вы обе мои! – сказал Марти.

– Нет, ты должен выбрать одну, – сказала Анна. – Кого ты выбираешь?

– Я вас обеих люблю.

– Кровь остановилась, – сказала Заря. – Он потерял сознание. – Она завернула его в платок и положила на камин.

– Если ты считаешь, что мы не сможем сойтись, – сказала мне Заря, – то и пытаться больше не стоит, вот что.

– Мне кажется, я люблю тебя, Заря.

– Смотри, – сказала она. – Марти обнимает Рути!

– Они что, собираются заняться любовью?

– Не знаю. Они, кажется, возбудились. Заря подобрала Анну и посадила в клетку.

– Выпустите меня! Я убью их обоих! Выпустите меня!

В носовом платке на камине застонал Джордж. Марти стянул с Рути трусы. Я прижал к себе Зарю. Она была молодая, красивая и вроде бы душевная. Я снова мог любить. Это оказалось возможно. Мы поцеловались. Я утонул в ее глазах. Потом я вскочил и побежал. Я понял, куда попал. Таракан совокуплялся с орлом. Время оказалось дурачком с банджо. Я бежал и бежал. Мне на лицо упали ее длинные волосы.

– Всех убью! – голосила малютка Анна, беснуясь в проволочной клетке в три часа утра.

Политика

В Городском колледже Лос-Анджелеса, перед самой Второй мировой войной, я строил из себя нациста. Я с трудом отличал Гитлера от Геркулеса и плевал на обоих. Просто сидеть на занятиях и слушать, как все эти патриоты читают проповеди о том, что мы должны плыть за океан и разделаться с этим зверем, было невыносимо скучно. Я решил заделаться оппозицией. Даже не потрудившись изучить труды Адольфа, я попросту изрыгал из себя все слова, казавшиеся мне маниакальными или гнусными.

Однако на самом деле никаких политических убеждений у меня не было. Таким образом я просто мог оставаться свободным.

Знаете, иногда если человек не верит в то, что он делает, он может добиться весьма интересных результатов, поскольку эмоционально никак не заиклен на Общем Деле. Всего несколькими годами ранее все эти высокие блондины сформировали Бригаду имени Авраама Линкольна – дабы разогнать фашистские полчища в Испании. А потом хорошо обученные войска отстрелили им задницы. Некоторые из них пошли на это ради приключений и поездки в Испанию, но задницы им все равно отстрелили. А мне моя задница была дорога. Не столь уж многое мне в себе нравилось, но вот задница и конец – точно.

Я вскакивал на занятиях и принимался выкрикивать все, что в голову приходило. Как правило, это имело какое-то отношение к Высшей Расе, что мне казалось весьма забавным. Конкретно против черных и евреев я не выступал, поскольку видел, что они такие же бедняки и запутавшиеся люди, как я. Но я действительно толкал безумные речи и на занятиях, и после них, а бутылка вина, которую я держал в своем шкафчике, неплохо мне помогала. Удивительно, что меня слушало так много народу и при этом почти никто не выступал против. Я попросту страдал словесным поносом и радовался тому, что в Городском колледже Лос-Анджелеса может быть так весело.

– Ты будешь баллотироваться на пост президента студенческого общества, Чинаски?
– Черта с два!

Делать я ничего не хотел. Я даже не хотел ходить в спортзал. Мало того, меньше всего на свете мне хотелось ходить в спортзал, потеть, носить суспензорий и измерять, у кого длиннее конец. Я знал, что конец у меня среднего размера. Чтобы выяснить это, не обязательно было ходить в спортзал.

Нам повезло. Правление колледжа решило взимать в качестве вступительного взноса два доллара. Мы решили – во всяком случае, некоторые из нас, – что это противоречит конституции, поэтому платить отказались. Мы объявили забастовку. Начальство разрешило нам посещать занятия, но лишило нас кое-каких привилегий, одной из которых был спортзал.

Когда наступало время занятий в спортзале, мы оставались в обычной одежде. Тренер получил распоряжение водить нас по спортплощадке сомкнутым строем. Так они нам мстили. Прекрасно. Не надо было ни мчаться с запотевшей задницей по беговой дорожке, ни пытаться забросить дебильный баскетбольный мяч в дебильное кольцо.

Мы старательно маршировали, юные, переполненные мочой, переполненные безумием, сексуально озабоченные, безмандовые, на пороге войны. Чем меньше веришь в жизнь, тем меньше теряешь. Мне почти нечего было терять – мне и моей среднего размера елде.

Мы ходили строем по кругу и выдумывали похабные песенки, а добропорядочные американцы из футбольной команды грозились отхлестать нас по задницам, но почему-то так и не собрались. Возможно, потому, что мы были выше и подлее. По мне, было просто чудесно притворяться нацистом, а потом вдруг заявлять о попрании своих конституционных прав.

Иногда нервы у меня все-таки сдавали. Помню, как-то раз на занятиях, немного перебрав вина, я сказал, со слезами на глазах:

– Обещаю вам, что эта война вряд ли будет последней. Как только уничтожают одного врага, тут же каким-то образом возникает другой. Все это бессмысленно и бесконечно. Таких понятий, как хорошая война и плохая, не существует.

В другой раз с трибуны на пустыре южнее колледжа выступал коммунист. Это был очень искренний прыщавый малый в очках без оправы и в черном свитере, протертом до дыр на локтях. Я стоял и слушал в окружении нескольких своих сторонников. Одним из них был русский белоэмигрант, Зиркофф, его отца или деда во время русской революции убили красные. Он показал мне мешок гнилых помидоров.

– Когда прикажешь, – сказал он мне, – мы начнем ими швыряться.

И тут мне пришло в голову, что мои сторонники не слушают оратора, а если и слушают, ни одно его слово не имеет значения. Они все решили заранее. И таким был почти весь мир. Елда среднего размера показалась вдруг не самым страшным грехом на свете.

– Зиркофф, – сказал я, – убери помидоры.

– Отвали, – сказал он, – жаль, что это не гранаты.

В тот день я утратил влияние на своих сторонников и ушел, когда они принялись швырять свои гнилые помидоры.

Мне сообщили, что создается новая Авангардная партия. Мне дали адрес в Глендейле, и в тот же вечер я туда направился. Мы сидели в подвале большого дома, со своими бутылками вина и елдами разнообразных размеров.

Там были трибуна и стол с американским флагом во всю заднюю стену. На трибуну вышел цветущего вида американский парень и предложил начать с почестей флагу, дать ему клятву верности.

Я никогда не любил давать клятву верности флагу. Это идиотизм и сплошное занудство. Мне всегда больше хотелось дать клятву верности самому себе, но раз уж мы там собрались, то встали и наскоро пробормотали нужные слова. Потом – короткая пауза, и садишься с таким чувством, словно к тебе только что небезуспешно приставали с гнусными намерениями.

Цветущий американец начал говорить. Я узнал в нем толстяка, который сидел в первом ряду на занятиях по драматургии. Подобным типам я никогда не доверял. Выскочки. Гнусные выскочки. Он начал:

– Коммунистическую угрозу *необходимо* остановить. Мы собрались здесь, чтобы принять для этого меры. Мы будем принимать как законные меры, так, вероятно, и незаконные...

Дальнейшего я почти не помню. Как на коммунистическую угрозу, так и на нацистскую мне было глубоко наплевать. Мне хотелось напиться, хотелось ебаться, хотелось вкусно поесть, хотелось затянуть песню за стаканом пива в грязном баре и выкурить сигару. Я ничего не понимал. Я был простофилей, марионеткой.

Позже мы с Зиркоффом и еще одним бывшим сторонником пошли в Вестлейк-парк, взяли напрокат лодку и попытались поймать на обед утку. Мы ухитрились в стельку напиться, утки никакой не поймали и обнаружили, что у нас не хватает денег заплатить за прокат лодки.

Мы плавали по мелкому озеру, играли пистолетом Зиркоффа в «русскую рулетку» и умудрились остаться в живых. Потом Зиркофф встал в лунном свете попойки и прострелил к чертовой матери днище лодки. Начала прибывать вода, и мы погребли к берегу. Пройдя треть пути, лодка затонула, и нам пришлось вылезать и мочить свои задницы, добираясь до берега вброд. Так что вечер прошел отлично и не был потерян...

Еще некоторое время я играл роль нациста, не питая особой любви ни к нацистам, ни к коммунистам, ни к американцам. Но я уже терял к этому интерес. Мало того, перед самым Перл-Харбором я и вовсе махнул на это дело рукой. Испарилось куда-то все бывшее веселье.

Я считал, что скоро начнется война, а идти на войну особого желания не испытывал, как не испытывал и особого желания по религиозным или иным соображениям отказываться от несения военной службы. Все это был бред собачий. Сплошная бессмыслица. Мы с моей среднего размера елдой попали в беду.

На занятиях я сидел молча и ждал. Студенты и преподаватели меня поддразнивали. Я утратил внутренний импульс, энергию, дерзость. Я чувствовал, что от меня уже ничего не зависит. Это скоро должно было случиться. Каждая елда попала в беду.

Моя преподавательница английского, весьма милая дама с красивыми ножками, попросила меня как-то раз остаться после занятий.

– Что случилось, Чинаски? – спросила она.

– Бросил я это дело, – сказал я.

– Вы имеете в виду политику? – спросила она.

– Я имею в виду политику, – сказал я.

– Из вас вышел бы хороший моряк, – сказала она.

Я ушел...

Когда это случилось, я сидел со своим лучшим другом, морским пехотинцем, в одном из городских баров и пил пиво. По радио передавали музыку, музыка прервалась. Нам сказали, что только что бомбили Перл-Харбор. Было объявлено, что все военнослужащие должны немедленно вернуться на свои базы. Мой друг попросил меня доехать вместе с ним на автобусе до Сан-Диего, намекнув, что, возможно, я вижу его в последний раз. Он был прав.

Любовь за семнадцать пятьдесят

Первым желанием Роберта – когда он начал думать о подобных вещах – было пробраться как-нибудь ночью в Музей восковых фигур и заняться с восковыми дамочками любовью. Однако это казалось слишком опасным. Он ограничивался тем, что занимался любовью со статуями и манекенами в своих сексуальных фантазиях и жил в своем иллюзорном мире.

Однажды, остановившись на красный свет, он заглянул в дверь магазина. Это был один из тех магазинов, где продавалось все на свете – пластинки, диваны, книги, всякие мелочи, ненужный хлам. Он увидел, как она стоит там в длинном красном платье. Она носила очки без оправы и была хорошо сложена; горделива и привлекательна, как в старые добрые времена. Шикарная девчонка. Потом загорелся зеленый сигнал, и ему пришлось ехать дальше.

Роберт поставил машину в квартале оттуда и пешком вернулся к магазину. Он остановился на улице у газетного стенда и принялся ее разглядывать. Даже глаза были как настоящие, а рот – очень чувственный, со слегка надутыми губками.

Роберт вошел в магазин и взглянул на полку с пластинками. Потом он приблизился к ней и стал украдкой ее разглядывать. Нет, таких больше не делают. На ней были даже туфли на высоких каблуках.

Подошла продавщица:

– Чем могу помочь, сэр?

– Спасибо, мисс, я пока так посмотрю.

– Если вам что-то понадобится, дайте мне знать.

– Непременно.

Роберт подошел к манекену. Бирки с ценой не было. Интересно, подумал он, продается ли она. Он вернулся к полке с пластинками, взял дешевый альбом и заплатил продавщице.

Когда он в следующий раз пришел в магазин, манекен был на месте. Роберт походил немного, разглядывая товары, купил пепельницу в виде свернувшейся кольцом змеи, потом ушел.

В третий раз он спросил продавщицу:

– Этот манекен продается?

– Манекен?

– Да, манекен.

– Вы хотите его купить?

– Да, вы же здесь торгуете, верно? А манекен продается?

– Одну минутку, сэр.

Девушка скрылась в глубине магазина. Занавеска раздвинулась, и вышел старый еврей. На его рубашке не хватало двух нижних пуговиц, и был виден волосатый живот. Казалось, он настроен весьма дружелюбно.

– Вам нужен манекен, сэр?

– Да, она продается?

– Вообще-то нет. Видите ли, это нечто вроде выставочного экспоната, вроде как шутка.

– Я хочу ее купить.

– Ну что ж, посмотрим... – Старый еврей подошел к манекену и принялся его щупать – щупать платье, руки. – Посмотрим... Думаю, могу продать вам эту... вещицу... за семнадцать пятьдесят.

– Беру.

– Роберт вынул двадцатку. Хозяин отсчитал сдачу.

– Мне будет ее не хватать, – сказал он, – иногда она выглядит почти как настоящая. Вам завернуть?

– Не надо, я ее так заберу.

Роберт взял манекен и понес к автомобилю. Он положил ее на заднее сиденье. Потом сел в машину и поехал домой. Когда он подъехал, вокруг, к счастью, никого не оказалось, и он незаметно внес ее в дом. Он поставил ее посреди комнаты и смерил взглядом.

– Стелла, – сказал он, – Стелла, сука!

Он подошел к ней и влепил пощечину. Потом схватил ее за голову и поцеловал. Поцелуй удался на славу. Его пенис начал набухать, когда зазвонил телефон.

– Алло, – ответил он.

– Роберт?

– Ага. Я.

– Это Гарри.

– Как дела, Гарри?

– Нормально, чем занимаешься?

– Ничем.

– Я подумал, может, приехать. Принесу пару пива.

– Валяй.

Роберт повесил трубку, взял манекен и отнес в стенной шкаф. Он затолкал ее в угол шкафа и закрыл дверь.

Гарри было почти нечего сказать. Он сидел со своей банкой пива.

– Как Лора? – спросил он.

– А, – сказал Роберт, – между нами с Лорой все кончено.

– Что случилось?

– Вечный образ роковой женщины. Всегда как на сцене. Она меня довела. Всюду западала на мужиков – в магазине, на улице, в кафе, везде и на всех. Не важно на кого, лишь бы это был мужчина. Она запала даже на парня, который ошибся номером. Это было невыносимо.

– А сейчас ты один?

– Нет, у меня другая. Бренда. Ты с ней знаком.

– Ах да, Бренда. Хорошая девушка.

Гарри сидел и пил пиво. У Гарри никогда не было женщины, но он постоянно о них говорил. В Гарри было что-то отталкивающее. Роберт не стал поддерживать разговор, и вскоре Гарри ушел. Роберт подошел к стенному шкафу и извлек оттуда Стеллу.

– Шлюха проклятая! – сказал он. – Ты ведь изменяешь мне, правда?

Стелла не ответила. Она стояла и казалась невозмутимой и строгой. Он влепил ей славную оплеуху. Скорее солнце погаснет, чем какой-нибудь бабе сойдет с рук измена Бобу Уилкенсону. Он влепил ей еще одну славную оплеуху.

– Манда! Ты бы и с четырехлетним мальчишкой еблась, встань у него конец!

Он снова влепил ей пощечину, потом схватил ее и поцеловал. Он целовал ее без конца. Потом залез ей руками под платье. Она была хорошо сложена, очень хорошо. Стелла напоминала ему его школьную учительницу алгебры. Трусики на Стелле не было.

– Шлюха, – сказал он, – у кого твои трусики? Потом его пенис начал давить на ее перек. Отверстия не было. Но Роберта охватила всепоглощающая страсть. Он вставил Стелле между верхними частями бедер. Там было гладко и тесно. Он принялся упорно трудиться. В какой-то миг он почувствовал себя крайне неловко, потом его страсть возобладала, и он, продолжая трудиться, начал осыпать поцелуями ее шею.

Роберт вымыл Стеллу посудной тряпкой, убрал в стенной шкаф за пальто, прикрыл дверь и еще успел посмотреть по телевизору заключительную четверть матча между «Детройтскими Львами» и «Лос-Анджелесскими Баранами».

Все складывалось для Роберта весьма неплохо. Он уладил некоторые вопросы. Купил Стелле несколько пар трусиков, пояс с резинками, длинные тонкие чулки, браслет на запястье.

Купил он ей и серьги и был потрясен, когда обнаружил, что у его любимой отсутствуют уши. Под всей этой копной волос не доставало ушей. Он все равно прикрепил серьги липкой лентой. Но были и свои преимущества – ему не надо было водить ее обедать, на вечеринки, на скучные фильмы; все эти светские удовольствия, которые так много значат для обыкновенной женщины, были ни к чему. И еще были ссоры. Без ссор никуда – хотя бы и с манекеном. Она не отличалась словоохотливостью, но он был уверен, что однажды она ему сказала: – Ты самый лучший любовник. Тот старый еврей никуда не годился. Ты любишь душой, Роберт.

Да, были и преимущества. Она не походила ни на одну из его знакомых женщин. Ей никогда не хотелось заняться любовью в неподходящий момент. Она умела выбирать для этого время. И еще у нее не бывало месячных. И он мог всегда ею овладеть. Он отрезал у нее с головы немного волос и приклеил их ей между бедрами.

Поначалу связь была чисто сексуальная, но мало-помалу он начал влюбляться в Стеллу, он чувствовал, как это происходит. Решил было обратиться к психиатру, но потом передумал. В конце концов, так ли уж необходимо любить живого человека? Такая любовь недолговечна. Между людьми возникает слишком много разногласий, и то, что начинается с любви, слишком часто кончается враждой.

Вдобавок, лежа со Стеллой в постели, ему не приходилось выслушивать рассказы обо всех ее бывших любовниках. О том, какая у Карла большая штуковина, но как редко Карл пускал ее в ход. И как здорово танцевал Луи, Луи мог бы многого добиться в балете, а не торговать страховыми полисами. И как хорошо умел целоваться Марти. У него была манера сплетать языки. И так далее. И тому подобное. Правда, Стелла вспомнила старого еврея. Но только однажды.

Роберт уже недели две прожил со Стеллой, когда позвонила Бренда.

– Да, Бренда? – ответил он.

– Роберт, ты совсем перестал мне звонить.

– Я был ужасно занят, Бренда. Меня назначили управляющим, я теперь сбытом заведу, пришлось в конторе все перетряхивать.

– Это правда?

– Да.

– Роберт, что-то не так...

– В каком смысле?

– Я по голосу чувствую. Что-то происходит. Что, черт возьми, происходит, Роберт?

Появилась другая женщина?

– Не совсем.

– То есть как это «не совсем»?

– О боже!

– В чем дело? В чем дело? Роберт, что-то происходит. Я сейчас приеду.

– Да ничего не происходит, Бренда.

– Ах ты сукин сын, ты от меня что-то скрываешь! Что-то происходит. Я приеду! Сейчас!

Бренда повесила трубку, а Роберт подошел к Стелле, взял ее и поставил в стенной шкаф, в самый дальний угол. Он снял с вешалки пальто и набросил на Стеллу. Потом вернулся в комнату, сел и стал ждать.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежала Бренда.

– Так что же здесь, черт возьми, происходит? В чем дело?

– Слушай, малышка, – сказал он, – все нормально. Успокойся.

У Бренды были чудесные формы. Грудь немного отвисла, зато у нее были превосходные ножки и красивая жопа. В глазах навсегда застыл безумный, растерянный взгляд. Избавиться от этого своего взгляда она никогда не могла. Порой, после любовных утех, глаза ее какое-то время лучились покоем, но это продолжалось недолго.

– Ты меня еще даже не поцеловал! Роберт встал с кресла и поцеловал Бренду.

– Господи, да разве это поцелуй! В чем дело? – спросила она. – Что происходит?

– Ничего, абсолютно ничего...

– Если не скажешь, я закричу!

– Говорю тебе, ничего.

Бренда закричала. Она подошла к окну и стала кричать. Ее крик слышала вся округа. Потом она умолкла.

– Боже, Бренда, больше не надо! Я прошу тебя!

– Нет, буду! Буду! Скажи мне, что происходит, Роберт, или я опять закричу!

– Хорошо, – сказал он, – подожди. Роберт подошел к стенному шкафу, снял со Стеллы пальто и вытащил ее.

Что это? – спросила Бренда. – Что это?

– Манекен.

– Манекен? Ты хочешь сказать?..

– Я хочу сказать, что влюблен в нее.

– О боже мой! В каком смысле? В эту штуковину? В эту *штуковину*?

– Да.

– Ты любишь эту *штуковину* больше, чем меня? Этот кусок целлулоида, или из какого там дерьма она сделана? Ты хочешь сказать, что любишь эту *штуковину* больше, чем меня?

– Может быть, ты берешь ее с собой в постель? Может быть, ты с ней... с этой *штуковиной* кое-чем занимаешься?

– Да. Ох...

И тут Бренда закричала по-настоящему. Принялась драть глотку, стоя как вкопанная. Роберт решил, что она никогда не замолкнет. Потом она бросилась на манекен и давай его царапать и колотить. Манекен упал и ударился о стену. Бренда выбежала из дома, вскочила в машину и отъехала на бешеной скорости. Она с грохотом врезалась в бок стоявшего у обочины автомобиля, вырулила и поехала дальше.

Роберт подошел к Стелле. Голова отломилась и закатилась под кресло. На полу возникли разводы белого вещества. Одна рука свободно болталась, сломанная, торчали две проволочки. Роберт сел в кресло. Посидел. Потом встал и вошел в ванную, постоял там минутку и снова вышел. Из коридора ему была видна голова под креслом. Он разрыдался. Это было ужасно. Он не знал, что делать. Он вспомнил, как похоронил мать и отца. Но это было совсем другое. Совсем другое. Он просто стоял в коридоре, плакал и ждал. Оба глаза Стеллы были открыты, холодны и прекрасны. Они неотрывно смотрели на него.

Два пропойцы

Мне было двадцать с небольшим, и, хотя я крепко пил и ничего не ел, силенок во мне еще не поубавилось. Я имею в виду физическую силу, а это большая удача, особенно когда почти все остальное идет наперекосяк. Рассудок мой бунтовал против моей участи и всей жизни, и утихомирить его можно было только выпивкой, выпивкой, выпивкой. Я шел по дороге, было пыльно, грязно и жарко, штат назывался, кажется, Калифорния, но сейчас я уже не уверен. Это была пустыня. Я шел по дороге, носки мои затвердели, расплзлись и воняли, гвозди торчали сквозь стертые подметки башмаков и впивались мне в ноги, и приходилось подкладывать в башмаки картон – картон, газету, все, что под руку попадет. Гвозди сквозь все это пробивались, и надо было либо подкладывать еще что-нибудь, либо переворачивать эту дрянь вверх дном, либо придавать ей новую форму.

Рядом остановился грузовик. Я не обратил на него внимания и продолжал идти. Грузовик снова завелся, и мужик покотился рядом со мной.

– Малыш, – сказал мужик, – работа нужна?

– Кого надо убить? – спросил я.

– Никого, – сказал мужик, – давай залезай. Я стал обходить грузовик, а когда добрался до другой стороны, дверь была открыта. Я поднялся на подножку, скользнул в кабину, захлопнул дверь и откинулся на спинку кожаного сиденья. Я укрылся от солнца.

– Отсосешь у меня, – сказал мужик, – получишь пять зеленых.

Я крепко вмазал ему правой в живот, левой достал где-то между ухом и шеей, добавил правой в рот, и грузовик съехал с дороги. Я схватился за баранку и вырулил обратно на полосу. Потом выключил мотор и затормозил. Я вылез из машины и опять пошел по дороге. Минут через пять грузовик уже снова катил рядом со мной.

– Малыш, – сказал мужик, – извини. Я не это имел в виду. Я не хотел сказать, что ты гомик. Хотя от гомика в тебе что-то есть. А что, разве плохо гомиком быть?

– Сдается мне, если ты гомик, то нет.

– Давай, – сказал мужик, – садись. У меня есть для тебя настоящая честная работенка. Заработаешь денег, встанешь на ноги.

Я опять влез в кабину. Мы поехали.

– Извини, – сказал он, – физиономия у тебя и вправду бандитская, но посмотри на свои руки. У тебя же дамские руки.

– Насчет моих рук не волнуйся, – сказал я.

– Так ведь работенка не из легких. Шпалы грузить. Грузил когда-нибудь шпалы? Тяжелая работа.

– Я всю жизнь занимаюсь тяжелой работой.

– Ладно, – сказал мужик, – годится.

Мы поехали молча, грузовик трясло на ухабах. Кругом была только пыль, пыль да пустыня. Физиономия у мужика мало что выражала, в нем вообще было мало примечательного. Но порой всякая мелюзга, которая долго живет на одном месте, добивается кое-какого престижа и власти. Он имел грузовик и нанимал работяг. Порой приходится с этим мириться.

Мы ехали дальше, а по дороге шел старикашка. Ему было никак не меньше сорока пяти. Для дороги это уже старость. Мистер Бёркхарт – свое имя он мне назвал – сбавил скорость и спросил старикашку:

– Эй, дружище, хочешь заработать пару зеленых?

– Конечно, сэр! – сказал старикашка.

– Подвисься. Пусть сядет, – сказал мистер Бёркхарт.

Старикашка сел, а от него и вправду воняло – перегаром, потом, мукой смертной. Наконец мы подъехали к месту, где стояло несколько зданий. Вылезли вместе с Бёркхартом из машины и зашли в какой-то пакгауз. Там был парень в зеленом козырьке от солнца и с множеством резинок на левом запястье. Сам лысый, но руки заросли тошнотворно длинным светлым волосом.

– Здравствуйте, мистер Бёркхарт, – сказал он, – я гляжу, вы подыскиали себе еще парочку пропойц.

– Вот список, Джесси, – сказал мистер Бёркхарт, и Джесси принялся ходить и подбирать товары по списку.

На это ушло какое-то время. Потом он закончил.

– Что-нибудь еще, мистер Бёркхарт? Пару бутылок дешевого вина?

– Мне вина не надо, – сказал я.

– Ладно, – сказал старикашка, – я возьму обе бутылки.

– Это в счет заработка, – сказал старикашке Бёркхарт.

– Не имеет значения, – сказал старикашка, – вычитайте из заработка.

– Тебе точно не нужна бутылка? – спросил меня Бёркхарт.

– Ладно, – сказал я, – бутылку беру.

У нас была палатка, в ту ночь мы пили вино, а старикашка рассказывал мне о своих передрыгах. Он лишился жены. Жену он все еще любил. Он все время думал только о ней. Прекрасная женщина. Раньше он преподавал математику. Но лишился жены. Второй такой женщины не сыщешь. Ну и так далее.

Господи, когда мы проснулись, старикашку мутило, да и мне было не намного лучше, солнце уже встало и светило вовсю, и мы отправились на работу – складывать железнодорожные шпалы. Их надо было складывать в штабеля. Начинать штабель было легко. Но когда мы добирались доверху, приходилось считать. «Раз, два, три», – считал я, и тогда мы бросали шпалу.

На голову старикашка повязал платок, спиртное лилось у него из головы и впитывалось в платок, и платок намок и потемнел. Время от времени сквозь гнилую перчатку мне в руку вонзалась заноза от одной из железнодорожных шпал. Обычно такая боль бывает нестерпимой, и я бы бросил работу, но усталость притупляла чувства, и вправду основательно притупляла. Когда это случалось, я попросту злился – мне даже хотелось кого-нибудь прикончить, но когда я озирался вокруг, там были только песок, да отвесные скалы, да сухое, как печь, ярко-желтое солнце, и некуда было податься.

Время от времени железнодорожная компания извлекала старые шпалы и заменяла их новыми. Старые оставались лежать рядом с путями. Ничего страшного со старыми шпалами не происходило, но компания бросала их там, а Бёркхарт нанимал ребят вроде нас складывать их в штабеля, которые увозил на своем грузовике и продавал. Сдается мне, им находили множество применений. На некоторых ранчо их втыкали в землю, протягивали между ними колючую проволоку, и получалась ограда. Думаю, применяли их и как-нибудь по-другому. Я не интересовался.

Это походило на любую другую невыполнимую работу – ты устаешь, хочешь все бросить, потом устаешь еще больше и забываешь все бросить, а минуты стоят на месте, в пределах одной минуты ты проживаешь целую вечность, ни надежды, ни выхода, в западне, отупение мешает все бросить, а если и бросишь, податься некуда.

– Малыш, я лишился жены. Какая это была чудесная женщина! Я только о ней и думаю. Нет ничего на свете лучше хорошей женщины.

– Ага.

– Эх, нам бы сейчас немного вина.

- Вина у нас нет. Придется обождать до вечера.
- Интересно, пропойц кто-нибудь понимает?
- Только другие пропойцы.
- Как по-твоему, эти занозы у нас в руках до сердца доползут?
- И не надейся. Нам всегда не везет. Появились двое индейцев и стали на нас смотреть.

Они долго смотрели. Когда мы со старикашкой сели на шпалу перекурить, один из индейцев к нам подошел.

– Вы все делаете неправильно, – сказал он.

– В каком смысле? – спросил я.

– Вы работаете, когда в пустыне самая жара. А надо пораньше вставать и управляться с работой, пока еще прохладно.

– Ты прав, – сказал я, – спасибо.

Индеец был прав. Я решил, что мы должны пораньше вставать. Но нам это так и не удалось. Старикашку всегда слишком мутило после ночной попойки, и я ни разу не сумел поднять его вовремя.

– Еще пять минут, – говорил он, – всего пять минут.

Наконец в один прекрасный день силы покинули старика. Он не мог больше поднять ни одной шпалы. Он то и дело просил за это прощения.

– Все нормально, папаша.

Мы вернулись в палатку и стали ждать вечера. Папаша лежал и говорил. Говорил он только о своей бывшей жене. Я слушал истории о его бывшей жене весь день, до самого вечера. Потом появился Бёркхарт.

– Боже мой, ребята, да вы сегодня почти ничего не сделали. Рассчитываете как сыр в масле кататься?

– Мы закончили, Бёркхарт, – сказал я, – ждем, когда нам заплатят.

– Я думаю, вам вовсе не стоит платить.

– Если ты вообще когда-нибудь думаешь, – сказал я, – ты заплатишь.

– Пожалуйста, мистер Бёркхарт, – сказал старикашка, – прошу вас, мы ведь чертовски упорно трудились, честное слово!

– Бёркхарт знает, как мы потрудились, – сказал я, – он считал штабеля, как и я.

– Семьдесят два штабеля, – сказал Бёркхарт.

– Девяносто штабелей, – сказал я.

– Семьдесят шесть, – сказал Бёркхарт.

– Девяносто, – сказал я.

– Восемьдесят, – сказал Бёркхарт.

– По рукам, – сказал я.

Бёркхарт достал карандаш и бумагу и вычел с нас за вино, питание, транспорт и жилье. Нам с папашей вышло по восемнадцать долларов за пять дней работы. Мы взяли деньги. И бесплатно доехали до города. Бесплатно? Бёркхарт во всех смыслах нас наебал. Но орать о нарушении закона мы не могли, ведь когда у вас нет денег, закон больше не действует.

– Ей-богу, – сказал старикашка, – сегодня я и вправду напьюсь. Сегодня я напьюсь вдрабадан. А ты, малыш?

– Не думаю.

Мы зашли в единственный бар в городе и сели. Папаша заказал вина, а я – пива. Старикашка опять пустился в рассказы о своей бывшей жене, и я пересел на другой конец стойки. По лестнице спустилась молодая мексиканка и села рядом со мной. Почему они всегда спускаются по лестнице именно так, как в кино? Я даже почувствовал себя персонажем фильма. Я угостил ее пивом. Она сказала: «Меня зовут Шерри», а я сказал: «Это не мекси-

канское имя», а она сказала: «А зачем обязательно мексиканское?», и я сказал: «Вообще-то не обязательно».

И наверху это обошлось мне в пять долларов, а сначала она меня как следует вымыла, вымыла и потом. Она мыла меня водой из белого тазика, на котором были нарисованы цыплята, гоняющиеся друг за другом. За десять минут она заработала столько денег, сколько я зарабатывал за сутки с несколькими часами в придачу. Яснее ясного, что в финансовом смысле куда выгоднее иметь манду, чем елду.

Когда я спустился в бар, старикашка уже сидел, уронив голову на стойку. Его пробрало. В тот день мы ничего не ели, и сопротивляемость организма отсутствовала. Возле его головы лежал доллар с мелочью. В какую-то минуту я решил было взять старикашку с собой, но я даже о себе не мог позаботиться. Я вышел на улицу. Было прохладно, и я пошел на север.

Мне было жаль оставлять папашу на растерзание тамошним стервятникам. Потом я подумал, вспоминает ли когда-нибудь о старикашке его жена. Я решил, что не вспоминает, а если и вспоминает, то вряд ли так же, как он вспоминает о ней. Вся земля кишит грустными страдальцами вроде него. Мне нужно было где-то переночевать. Кровать, в которой я лежал с мексиканкой, была первой моей кроватью за три недели.

Несколькими ночами раньше я обнаружил, что, когда холодает, занозы у меня в руке начинают пульсировать. Я чувствовал, где находится каждая из них. Начинало холодать. Не могу сказать, что я ненавидел мир мужчин и женщин, но я чувствовал некоторое отвращение, отделявшее меня от ремесленников и лавочников, любовников и лгунов, и ныне, спустя десятилетия, я чувствую то же самое отвращение. Конечно, это всего лишь история одного человека, взгляд одного человека на действительность. Если станете читать дальше, быть может, следующая история окажется повеселее. Надеюсь, что так и будет.

Маджа Туруп

Эта история широко освещалась прессой и телевидением, а сама леди должна была написать книгу. Леди звали Эстер Адамс, дважды разведена, двое детей. Ей уже стукнуло тридцать пять, и можно было предположить, что увлечение это станет последним. Уже появились морщины, обвисла грудь, делались толще лодыжки и икры, возникли первые признаки живота. Америке издавна внушали, что красота свойственна только молодости, и особенно это касается лиц женского пола. Но Эстер Адамс была наделена печальной красотой безысходности и грядущей гибели. Ощущением грядущей гибели от нее веяло за версту, и это придавало ей некую сексуальную притягательность – так привлекает к себе доведенная до отчаяния увядающая женщина в баре, битком набитом мужчинами. Эстер хорошенько осмотрелась, поняла, что от американских мужиков проку мало, и села в самолет, направлявшийся в Южную Америку. В джунгли она вошла с фотокамерой, портативной пишущей машинкой, утолщающимися лодыжками и белой кожей – и отхватила себе людоеда, чернокожего людоеда: Маджу Турупа. У Маджи Турупа было чудесное выражение лица. Казалось, на его лице отразились ровно тысяча похмелий и ровно тысяча трагедий. И это чистая правда – он пережил ровно тысячу похмелий, а источником всех трагедий было одно: орудие Маджи Турупа, его огромное орудие. Ему отказывали все девушки селения. Двух девушек он разорвал своим орудием насмерть. В одну он проник с фронта, в другую – с тыла. Не важно.

Маджа был одиноким мужчиной, он пил и предавался раздумьям о своем одиночестве, пока не появилась Эстер Адамс с проводником, белой кожей и фотокамерой. После официальных представлений и нескольких стаканчиков у костра Эстер вошла в хижину Маджи, выдержала все, на что Маджа Туруп был способен, и попросила еще. Это было чудо для них обоих, и их сочетали браком на трехдневной племенной церемонии, во время которой среди танцев, колдовских заклинаний и хмельного угара были зажарены и съедены взятые в плен представители враждебного племени. А после церемонии, после того как рассеялись все похмелья, начались неприятности. Шаман, обративший внимание на то, что Эстер так и не отведала мяса жареных членов враждебного племени (гарнированного ананасом, маслинами и орехами), объявил во всеуслышание, что она вовсе не белая богиня, а одна из дочерей злого бога Ритикана. (Много веков назад Ритикана изгнали из племенного рая за отказ употреблять в пищу что бы то ни было, кроме фруктов, овощей и орехов.) Это заявление привело к расколу в племени, и двоих друзей Маджи Турупа немедленно умертвили за разговоры о том, что способность Эстер управляться с орудием Маджи – уже само по себе чудо, а тот факт, что человеческое мясо в ином виде она в рот не берет, ей можно простить, по крайней мере временно.

Эстер и Маджа сбежали в Америку, точнее в Северный Голливуд, где Эстер принялась хлопотать о предоставлении Мадже Турупу американского гражданства. Как бывшая школьная учительница, Эстер начала учить Маджу пользоваться одеждой, английским языком, калифорнийскими винами и пивом, телевизором и едой, купленной в соседнем магазине самообслуживания. Телевизор Маджа не только смотрел, он выступил по нему вместе с Эстер, и они публично объяснились в любви. После чего они вернулись в свою квартиру в Северном Голливуде и предались любовным утехам. Потом Маджа сидел посреди ковра со своими учебниками английской грамматики, пил пиво с вином, играл на бонгах и тянул на одной ноте родные напевы. Эстер трудилась над книгой о Мадже и Эстер. Книгу ждали в крупном издательстве. Эстер оставалось лишь все записать.

Как-то утром, часов в восемь до полудня, я лежал в постели. Накануне я проиграл сорок долларов на ипподроме «Санта-Анита», мои сбережения в Калифорнийском федеральном

банке катастрофически таяли, и за целый месяц я не написал ни одной приличной статьи. Зазвонил телефон. Я проснулся, подавил рвотный позыв, прокашлялся, поднял трубку.

– Чинаски?

– Да?

– Это Дэн Хадсон.

Дэн выпускал в Чикаго журнал «Пламя». Платил он неплохо. Он был и редактором, и издателем.

– Привет, Дэн, мать твою.

– Слушай, есть работенка – аккуратно по твоей части.

– Отлично, Дэн. А о чем речь?

– Я хочу, чтобы ты взял интервью у той суки, что вышла замуж за людоеда. ПОБОЛЬШЕ секса. Перемешай любовь с ужасами, понял?

– Понял. Я этим всю жизнь занимаюсь.

– Если успеешь до двадцать седьмого марта, считай, что пятьсот долларов у тебя в кармане.

– Дэн, да за пятьсот долларов я из Берта Рейнольдса лесбиянку сделаю.

Дэн дал мне адрес и номер телефона. Я встал, ополоснул лицо, принял две таблетки алказельцера, откупорил бутылку пива и позвонил Эстер Адамс. Я сказал, что хочу осветить в печати ее отношения с Маджой Турупом как одну из величайших любовных историй двадцатого столетия. Для читателей журнала «Пламя». Я заверил ее, что это поможет Мадже получить американское гражданство. Она дала согласие на интервью в час пополудни.

Это была квартира на третьем этаже, в доме без лифта. Дверь открыла она. Маджа сидел на полу со своими бонгами и пил из горлышка недорогой портвейн. Он был босиком, в облегающих джинсах и белой футболке в черную полоску. Эстер оделась точно так же. Она принесла мне бутылку пива, я взял из пачки на столике сигарету и приступил к интервью.

– Когда вы с Маджой познакомились? Эстер назвала дату. Кроме того, она точно назвала время и место.

– Когда вы впервые почувствовали любовное влечение к Мадже? Какие обстоятельства этому сопутствовали?

– Ну что ж, – сказала Эстер, – это было...

– Она любить меня, когда я давал ей шутовину, – сообщил Маджа с ковра.

– Он довольно быстро выучил английский, не правда ли?

– Да, у него блестящие способности. Маджа взял свою бутылку и сделал изрядный глоток.

– Я втыкать в нее эту шутовину, она говорить: «О боже мой, боже мой, боже мой!» Ха-ха-ха!

– У Маджи изумительное телосложение, – сказала она.

– Она также глотать, – сказал Маджа, – хорошо глотать. Глубокая глотка, ха-ха-ха!

– Я сразу полюбила Маджу, – сказала Эстер, – меня сразило выражение глаз, лица... столь трагическое. И походка. Он ходит, да-да, он ходит почти как тигр.

– Ебля, – сказал Маджа, – мы ебать еблю, ебливую еблю. Я устать.

Маджа выпил еще. Он посмотрел на меня:

– Ты ебать ее. Я устал. Она большой ненасытный туннель.

– Маджа обладает подлинным чувством юмора, – сказала Эстер, – это меня тоже в нем привлекает.

– Во мне тебя влекает одно, – сказал Маджа, – мой мочезарядный телеграфный столб.

– Маджа пьет с самого утра, – сказала Эстер, – вы должны его извинить.

– Может, я приду потом, когда он будет себя получше чувствовать?

– Да, наверное, это разумно.

Эстер назначила мне встречу на следующий день, в два часа пополудни.

Это ровным счетом ничего не меняло. Все равно мне были нужны фотографии. У меня был один знакомый спившийся фотограф, некто Сэм Джейкоби, который хорошо знал свое дело и взял бы за работу по-божески. Я привел его с собой. День выдался солнечный, слой смога был очень тонкий. Мы подошли к двери, и я позвонил. Ответа не последовало. Я позвонил еще раз. Дверь открыл Маджа.

– Эстер не дома, – сказал он, – она в магазин. – Мы условились встретиться ровно в два. Я хотел бы войти и подождать.

Мы вошли и сели.

– Я играть вам на барабанах, – сказал Маджа. Он сыграл на барабанах и спел несколько протяжных песен, рожденных в джунглях. У него получалось весьма неплохо. На нем были те же джинсы и полосатая футболка.

– Ебля, ебля, ебля, – сказал он, – это все, чего она хотеть. Она делать меня сумасшедший.

– Скучаешь по джунглям, Маджа?

– Главное – не срать против течения, папаша.

– Но она любит тебя, Маджа.

– Ха-ха-ха!

Маджа сыграл нам еще одно соло на барабанах. Даже пьяный он делал это неплохо.

Когда Маджа закончил, Сэм сказал мне: – Как по-твоему, у нее в холодильнике может быть пиво?

– Вполне.

У меня что-то нервишки пошаливают. Мне нужно пиво.

– Сходи посмотри. Возьми парочку. Я ей потом куплю. Надо было с собой взять.

Сэм встал и ушел на кухню. Я услышал, как открывается дверца холодильника.

– Я пишу о вас с Эстер статью, – сказал я Мадже.

– Не женщина, а большая яма. Никогда не заткнуть. Как вулкан.

Я услышал, как Сэм на кухне блюет. Он был запойным пьяницей. Я знал, что он пришел с похмелья. И тем не менее он был одним из лучших фотографов. Потом стало тихо. Сэм вышел. Он сел. Пива он не принес.

– Я снова играть на барабанах, – сказал Маджа.

Он снова сыграл на барабанах. У него все еще получалось неплохо. Хотя и похуже, чем в прошлый раз. Вино возымело действие.

– Идем отсюда, – сказал мне Сэм.

– Надо дождаться Эстер, – сказал я.

– Идем, старина, – сказал Сэм.

– Ребята, хотеть немного вина? – спросил Маджа.

Я встал и пошел на кухню за пивом. Сэм увязался за мной. Я направился к холодильнику.

– *Прошу тебя*, не открывай! – сказал он.

Сэм подошел к раковине и вновь принялся блевать. Я посмотрел на холодильник. Открывать не стал. Когда Сэм проблевался, я сказал:

– Ладно, идем.

Мы вышли в переднюю комнату, где все еще сидел подле своих бонгов Маджа.

– Я играть барабан еще раз, – сказал он.

– Спасибо, Маджа, не надо.

Мы вышли, спустились по лестнице и оказались на улице. Сели в мою машину. Я отъехал. Что сказать, я не знал. Сэм не сказал ни слова. Мы находились в деловом районе. Я

подъехал к бензоколонке и велел служителю залить полный бак обычного. Сэм вышел из машины и направился к телефонной будке звонить в полицию. Я увидел, как Сэм выходит из будки. Заплатил за бензин. Интервью я не получил. И недосчитался пятисот долларов. Я ждал, когда Сэм дойдет до машины.

Убийцы

Гарри только что слез с товарняка и шел теперь по Аламеда в бар Педро – выпить кофе за пятак. Было раннее утро, но он помнил, что открывают в пять. У Педро можно было за пятак сидеть часа два. Сидеть и думать. Вспоминать, в какие моменты все в жизни шло гладко, а в какие – наперекосяк.

Они уже открылись. Молодая мексиканка, подававшая кофе, посмотрела на него как на человека. Бедняки знают жизнь. Хорошая девчонка. Ну, неплохая. Они приносят горе. Все приносит горе. Он вспомнил где-то услышанное: «Жизнь – горе по определению».

Гарри уселся за дряхлый столик. Кофе подали хороший. Ему тридцать восемь, а он уже конченный. Он попивал кофе и вспоминал, когда у него все шло гладко, а когда – наперекосяк. Ему все надоело – фокусы со страховкой, малюсенькие конторы, высокие стеклянные перегородки, клиенты; ему надоело болтать с женой, щупать секретарш в лифтах и коридорах, надоели встречи Рождества и Нового года, дни рождения, взносы за автомобиль и за мебель, свет, газ, вода – весь этот чертов комплект бытовых потребностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.